

ПРОБА ПЕРА

Принято считать, что бабушки — это пожилые женщины за 60 или те, у которых появились внуки. Но ведь они могут быть такими разными! Одних мы видим сидящими у подъездов, они подкармливают себе не то голубей, не то котят. Плакают на голове и клок в руке. (Мне, правда, тут всё пересидеть хипстерская бандана и палка для отгона собак и кошек — тех самых, что усердно подкармливают.) Эти бабули легко узнаются в проходах. Эти бабули легко узнаются на самом деле: жих и соседях то, кем они являются в прошлых и соседях то, кем они являются по неизвестной причине, можешь получить статус наркомана, а девушка с накрашенными губами или изысканной маникюром получит звание особы с низкой социальной ответственностью. Они знают всё, и не дай бог скажут слово поперёк — сразу попадётся под статью кодекса чести бабуль РД «Неуважение к старшим».

А есть и другие. Во время своих пробежек я часто встречаю пожилых женщин — кто просто идёт в стиле скандинавской ходьбы, а кто-то преодолевает ту же семикилометровую дистанцию плавным бегом. Как-то встретил учительницу детства по музыке и узнал, что она села на права, активно ездит на автомобиле, переводит книги на норвежский. И при этом внешне очень интересная леди в свои 65 (если не больше). Был случай, когда попогодили копать сгоревшую бабушке товарища и в шоке наблюдали, когда она таскала по два ведра земли, помахивая ими, как будто они пуэтике.

Так что моя точка зрения такая: дело вовсе не в возрасте и не во внуках. Можно и в 20 лет быть бабулей, вести насыщенный образ жизни и не задаваться вопросом высокого полёта: «Могла ли я жить иначе?» А можно жить так, что и молодым становится завидно.

Алексей Отинов, Никель.

Боевая прабабушка

Нередко, глядя на людей пожилого возраста, вспоминаю своих прабабушек и задумываюсь о том, что когда-нибудь и сама буду тоже чьей-нибудь прабабушкой.

Моя прабабушка Ташина научила меня в пять лет играть в карты, это я хорошо запомнила. В шахматы ещё хотела, да так и не успела (и я, если честно, до сих пор в них играть не умею), зато в шахики рублюсь только так! Ташина сама была из детского дома, и моя бабушка (её дочь) рассказывала, что кто-то из её братьев даже был телеведущим.

Из раннего детства мне мало что запомнилось, но я точно знаю: прабабушка была боевая женщина.

Помню ещё её любимое зелёное ведро, которое тогда мне казалось таким огромным, хотя сейчас, скорее всего, даже моя нога туда бы не поместилась.

А ещё помню, что однажды, когда родители ушли на базар у нашего дома от солнца загорелся столб, и сосед кричал, чтобы из взрослых я звала бабушку. А потом был ещё град с дождём, и на нашей улице разлился огромный ручей, почти река... Поскольку прабабушка жила на Украине, мы не часто виделись. И когда её не стало, я была маленько шокирована возрастом, поэтому на что-то пожилые свесила? (хотя, по-видимому, собирались спросить про коньки). Но сейчас я прекрасно понимаю, как неадекватно, как ужасно это прозвучало. Мама тогда, кстати, сильно ругалась. Потому что прабабушка была действительно необыкновенным человеком! Вот только никому не дано жить вечно...

Евгения Белоусова, Печенга

ХРАНИТЕЛИ ОСОБОГО МИРА

И вновь на страницах нашей газеты работы студентов и выпускников медиашколы Игоря Попова, вот уже пятый год обучающей молодых (и не очень) жителей Никеля, Заполярного и Мончегорска писать нормальные грамотные тексты, думать, анализировать информацию.

В доказательство — правдивые истории людей, через журналистику реализующих творческое начало, о бабушках и дедушках. Не ко Дню Победы, а просто так. Просто потому, что для каждого из нас они — хранители особого мира нашего детства, нашей памяти. И всегда внуков с ними связывают отношения не совсем такие, как с родителями. Какие? Ну, вот, слушайте...

Любить можно только конфеты, а я тебя уважаю...

— Не бабушка с дедушкой, а бабуля и дедуля! — с деланным недовольством прикрикнула мама, когда я случайно обратилась к её родителям не «по правилам». Хотя никто и не приучал — это был негласный закон внуков. Он вошёл в нашу жизнь так же прочно, как и ежегодные поездки на Урал в деревню.

Трёхминутный путь на белоснежной «Волге» к Сылве, вкуснейшие шаньги и детский разбой — мы брали максимум от сельской жизни. Лучшее время для ребёнка — лето. Но не для дедули. Скоро он перестал ходить купаться, а затем отказался даже стоять на берегу. Давление. Со временем и покатушки на машине стали прошлым.

«Он до смерти работает, до полусмерти пьёт» — правда из этого только первая часть, до беленькой дедуля был не охотник. А вот до чистого крестьянского труда ещё какой. Огромный огород у дома, скот и работа сначала в колхозе, потом на железной дороге. Когда уезжал в очередную командировку, маленькие внуки любили складывать ему в сумку мягкие игрушки, причём тайно — как сюрприз. Только сейчас я понимаю, насколько несурзано он с ними выглядел — двухметровый мужчина, разговаривающий басом,

запрещён. Один раз по глупости любопытная внучка всё же смогла выскочить на улицу, но увидела лишь сморщившееся от неприязни и печали лицо, обжигаемое струёй горелки.

Животных он любил — может, забывал, когда купал, что семья большая и её придется кормить. Раньше это были бычки. Один раз ему попался такой умный зверь — Ботя, ходил за дедулей по пятам, мычал, когда видел его, и сразу кидался лизать руки. Ему настолько доверяли, что даже оставляли пастись без привязи. Но вдруг телёнок пропал. Дедуля сразу отправился искать его по окрестностям на своей белоснежной «Волге» и... нашёл. Наслышался Ботя тогда «приятностей». Но гнев длился недолго, владелец завёл мотор и неторопливо отправился домой, а провинившееся животное шло рядом, не отставая. Он рос и откармливался, но дюжий интеллект не окупил бы десятки кг мяса. Дедуля его заколол, а потом плакал, как мог плакать только огромный двухметровый мужчина. И не было после этого в стойле телят — только свинки, а потом и те пропали.

С возрастом его любовь наконец-то осенила и нас. Нет, вы не подумайте — внукам он всегда был рад, но не гораздо до сентиментальностей. Лишь постепенно научился сочетать мужскую жёсткость и упёртость с этими мягкими чувствами. В молодости было ещё

без большого пальца (результат неаккуратной работы на деревообрабатывающем станке)... с плюшевым зайчиком. Мама рассказывала, что даже не могла привести подружек в дом — они его попросту боялись.

Но грозным дедуля казался только на вид, даже к его грохочущему голосу во время телефонных разговоров можно привыкнуть. С детьми он даже никогда не ругался всерьёз. Когда мой брат, паркуясь, случайно разбил заднюю фару его машины, мы сильно испугались. Что же будет — скандал, крики, а может, дружеское похлопывание по плечу с приговариваниями «с кем не бывает, я и сам молодой был»? Мы аккуратно вывели дедулю в гараж, и наш богатырь вмиг обмяк. Брат деликатно стал рассказывать ему, что случилось, что он сразу же купит новую фару, но дедуля не отвечал. Грустно окинув своими огромными, как у телёнка, голубыми глазами «аварию», он, пошатываясь, ушёл. То молчание было хуже любого крика...

Но больше мы всё-таки смеялись с ним или над ним. С техникой, кроме телевизора, деда никогда особо не был в ладах. Когда он забирал нас из аэропорта, то прабабушкой стали ворота с автоматической оплатой парковки. Столько ласковых слов товарищ оператор ещё никогда не слышал, не говоря уже о чуть смущённых водителях.

А дома-то он был само очарование. Например, дедина щедрость не знала границ — если поехал в магазин, то не ждите его без целого пакета мороженого и уральских сладостей.

Даже в делах, где нет сострадания и чувственности, дедуля её проявлял. Скот выращивал и бычков потом закалывал. Но несмотря на осознание нужности этого действия, дедуля его терпеть не мог. В такие дни детям и женщинам выход на задний двор был

труднее.

Предложение бабуле я всё еще не могу вспомнить без слез, смеха и какой-то необъяснимой женской обиды:

— Выходи за меня, Рая.

— Володя, а ты меня хоть любишь?

— Любить можно только конфеты, а я тебя уважаю.

Надеюсь, ещё через пару лет цепочка редких мужских чувств достигнет и её. Ведь чем труднее что-то достаётся, тем приятней — даже если это банальное «я тебя люблю».

Яна Мордвинцева, Заполярный.